

О «ТЕХНОЛОГИИ» СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА В КЫРГЫЗСТАНЕ

А.К. Карыева¹, д-р ист. наук, профессор

Б.Д. Абдрахманов², д-р ист. наук, начальник учебного центра

¹Кыргызский государственный технический университет им. И. Раззакова

²Государственная служба исполнения наказаний при Министерстве юстиции Кыргызской Республики
(Кыргызстан, г. Бишкек)

DOI:10.24412/2500-1000-2023-4-4-16-21

Аннотация. В данном исследовании проанализирована «технология» получения доказательств органами НКВД в 30-е годы XX века, в период сталинских репрессий. Политические репрессии середины 1930-х гг. остаются до сих пор недостаточно изученной проблемой в отечественной историографии. На различных этапах советской истории на долю нашего народа выпадали суровые испытания. Фактические материалы, использованные в данном исследовании, дают возможность по-новому осмыслить и дать оценку событиям вышеназванного сложного периода.

Ключевые слова: органы НКВД, репрессия, политический террор, технология, фальсификация.

Укрепление административно-централизованной командной системы в Кыргызстане достигалось за счет политических преследований и массовых репрессий. При становлении системы управления партийные «чистильные» компании происходили по всему Советскому Союзу в 1919-1920, 1921-1922, 1925-1926, 1934-1936 гг., из которых самыми жестокими считаются чистки 1934-1936 гг. По решению XVII съезда КПСС, проходившего с 26 января по 10 февраля 1934 г., была начата очередная кампания «партийных чисток». На момент начала чистки в партийных организациях Кыргызстана насчитывалось 14026 коммунистов, из них 6559 членов и 7467 кандидатов в члены партии. В ходе проверки из партии было исключено 2973 коммуниста, число коммунистов за период с 1933-1938 гг. сократилось вдвое [8, с. 275].

В закрытом письме, ЦК ВКП(б) к парторганизациям, направленном 29 июля 1936 г., Центральный Комитет ВКП(б) определил воодушевителей «террористической деятельности» против вождей и советского правительства. Помимо этого, в письме было предписание «в связи с этим ЦК ВКП(б) считает необходимым инфор-

мировать партийные организации о новых фактах» [6, с. 72]. Исходом данных указаний стало развернувшееся масштабная поимка и арест «врагов народа» по всей стране. За этим последовали организованные политические процессы и «Большой террор» 1937-1938 гг. с массовыми расстрелами безвинных советских людей. Физическому уничтожению подверглись известные личности кыргызского народа – Жусуп Абдрахманов, Баялы Исакеев, Торокул Айтматов, Касым Тыныстанов, Абдыкадыр Орозбеков, Иманаалы Айдарбеков и многие др.

Новым этапом на пути развязывания массового террора стал состоявшийся 23 февраля – 5 марта 1937 г. печально известный Пленум ЦК ВКП(б). Ключевыми словами в докладе И. Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» были «вредители», «диверсанты», «агенты троцкистского и не троцкистского типа государств», «остатки эксплуататорских классов», «капиталистическое окружение и вытекающие из этого факта результаты» и т.д. Все призывы Сталина на этом Пленуме по выявлению и уничтожению «врагов народа» имели скорые последствия [12].

В резолюции Пленума, принятой 3 марта 1937 г. руководством НКВД, были одобрены «мероприятия ЦК ВКП (б) по разгрому антисоветской, диверсионно-вредительской, шпионской и террористической банды троцкистов и иных двурушников». Органы НКВД СССР фактически получили неограниченные полномочия в деле «разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов фашизма» [9, с. 272] После окончания Пленума на всей территории страны продолжились многочисленные аресты «врагов народа». Их в массовом порядке выявляли и арестовывали, НКВД разоблачал одну за другой «антисоветскую», «националистическую», «террористическую» организации.

Объективный анализ архивных материалов в исследованиях постсоветского периода показал, что многие невинные люди Кыргызстана были обвинены как «враги народа», «буржуазные националисты», «троцкисты», «левые и правые оппортунисты». Представителями национальной интеллигенции и государственным деятелям, принимавшим непосредственное участие в создании кыргызского советского государства были предъявлены такие обвинения, и «в подавляющем большинстве случаев происходили без всяких на то оснований, по заказу авторитарного режима» [2, с. 210]. Откуда в Кыргызстане в первые десятилетия советской власти появились сотни «буржуазных националистов» и как они их нашли. Нахождение большого количества буржуазных-националистов среди кыргызского народа, живущего на основе родоплеменных отношений, вызывает большие сомнения. В свое время, в этом сомневался первый секретарь Киробкома ВКП(б) М.Л. Белоцкий, который в отчетном докладе на VII областной партконференции 1934 г. отмечает: «... так как Киргизия по сравнению с Украиной и Белоруссией является более отсталой страной, так как прослойка старой буржуазной контрреволюционной интеллигенции у нас несравненно тоньше... и местный киргизский национализм не представляет из себя на данном этапе главной опасности в Киргизии» [2, с. 211]. Но, в марте 1936 г. М.Л. Белоцкий меняет свою позицию и

для чистки партии от «буржуазных националистов» [2, с. 211] направляет Наркому внутренних дел СССР Н.И.Ежову, секретарю ЦК ВКП(б) список из 43 человек, состоящих в основном из коренного населения.

Анализ следственных материалов свидетельствует, что к делам были подшиты неподписанные и незаверенные копии показаний других арестованных о принадлежности их к контрреволюционным организациям. Все они были собраны сотрудниками НКВД, санкционированным лично И. Сталиным путем пыток, угрозы и шантажа других арестованных. Установлено, что почти к каждому из указанных лиц применялись пытки во время их содержания в тюрьме. Данная санкция будет подтверждена Сталиным позже. Адресованной секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел телеграмме, он пишет: «ЦК ВКП стало известно, что секретари обкомов-крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным, как нечто преступное. ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП. При этом было указано, что физическое воздействие допускается, как исключение, и притом в отношении лишь таких явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдать заговорщиков, месяцами не дают показаний, стараются затормозить разоблачение оставшихся на воле заговорщиков, – следовательно, продолжают борьбу с Советской властью также и в тюрьме... ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод. СЕКРЕТАРЬ ЦК ВКП(б) И. СТАЛИН» [1].

При анализе репрессивной политики в республике, осуществленные карательными органами Киргизской ССР в 30-е гг. XX в. в русле продолжавшейся политики «очищения от врагов народа», необходимо

упомануть о фабрикации политических процессов и механизме ее осуществления. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы, которые позволяют сделать предположения и выводы о «технологии» репрессий, подтверждаются материалами архивно-следственных дел по обвинению бывших руководителей НКВД Киргизской ССР, привлеченных в 1940 г. к уголовной ответственности за нарушение социалистической законности. Их развернутые показания полностью подтверждают всю по крупицам добытую нами из разных источников информацию и дополняют ее деталями, которые способствуют воссозданию картины в целом и дают возможность предположить схему получения показаний, применяемой НКВД Киргизской ССР в 1937-1938 гг. Она зародилась не здесь, а была, судя по всему, комплексом мер для получения нужных результатов в работе, применявшихся и в центре, и на местах.

Следует отметить, что назначение в августе 1937 г. наркомом внутренних дел Киргизской ССР И.П. Лоцманова, видимо, не случайное совпадение с усилением репрессий, отраженных в соответствующих приказах НКВД. Он был назначен на данную должность именно для исполнения вышеуказанных приказов, и должен был разоблачить «националистов», «троцкистов», «зиновьевцев», «правых» и других «врагов народа», засевших в Киргизской ССР. Если их не было, то для того, чтобы спасти свою жизнь, он должен был их искусственно создать. Анализ деяний И.П. Лоцманова показывает, что он с этой задачей справился, погубив при этом большое количество невинных людей.

Назначенный наркомом внутренних дел Киргизской ССР И.П. Лоцманов под предлогом укрепления аппарата НКВД создал к себе группу близких ему людей, ранее работавших вместе с ним: М.Б. Окунева, А.В. Иванова, а по рекомендации А.В. Иванова, И.П. Лоцманов пригласил из Ленинграда В.В. Куберского и И.А. Одица [5].

Интересны показания начальников отделов НКВД Киргизской ССР Кормушкина и Иванова, данные ими в 1940 г. после их ареста. Они сообщают, что «...допросы

с применением длительного многодневного «конвейера», «стойки», карцера считались легальными. Избиения по разрешению или по прямому указанию начальников практиковались почти, как правило. Во всех случаях после избиения признавались» [11]. В протоколе допроса бывших сотрудников НКВД читаем: «Лоцманов прямо давал указания протоколы допроса составлять в отсутствие обвиняемых и до записывал в них не стесняясь. Он прямо указывал порой, что конкретно каждому нужно записать. Когда ему высказывалось опасение, что таких записей не подпишет обвиняемый, следовало резкое замечание о том, что нужно работать так, чтобы арестованный показания подписывал. Дело доходило до того, что в протоколах, написанных в отсутствие обвиняемых, оставалось 30% из того, который составлялся непосредственно со слов допрашиваемого. Все остальное было результатом творчества. Лоцманов, знакомясь с написанным, решал, чьи фамилии из показаний исключить, чьи оставить...» [11].

По таким вышесказанным указаниям и схемам проводилась вся следственная работа НКВД. «Работа» по обвинению арестованных и по получению от них показаний в отношении других лиц – только частица творившегося в то время беззакония, но она отражает «технология» массовых репрессий, выражающуюся в необоснованных арестах, фальсификации материалов следствия, применения разных форм физического воздействия, глумления над личностью, попрании человеческого достоинства, документальных свидетельств которых немало.

Итак, для примера рассмотрим наиболее характерные следственные дела. До приезда И.П. Лоцманова в 1937 г. в Киргизскую ССР, предыдущим наркомом за принадлежность к троцкизму были арестованы бывший секретарь Обкома ВКП(б) М.Л. Белоцкий, зав. ОРПО обкома В.Л. Лайт, председатель Совнаркома Б.Д. Исакеев, 2 секретарь ЦК КП(б) республики Х. Джиенбаев, секретарь Фрунзенского Горкома КП(б) И. Чистяков и др.

Также в тюрьме находился бывший начальник политотдела наркомсовхозов

М.М. Стамблер, который к этому времени был уже осужден Спец.коллегией Верховного Суда Киргизской ССР к расстрелу за вредительскую деятельность, но в последующем Судебная коллегия Верховного Суда СССР заменила расстрел 10-годами лишения свободы [3].

26 сентября 1937 г. М.М. Стамблер подал заявления на имя И.П. Лоцманова о том, что хочет дать показания на В.Н. Четвертакова – бывшем нарком Внутренних дел республики [3, с. 43].

И.П. Лоцманов, получив от него показания на В.Н. Четвертакова, в последующем, в феврале 1938 г., решил использовать Стамблера для получения показаний в отношении правотроцкистского центра, якобы, существовавшего в Киргизской ССР. Но, на допросе в феврале 1938 г. Стамблер отказался давать показания по этому вопросу, и его дело было направлено на рассмотрение «тройки», и он был вторично приговорен к высшей мере наказания – расстрелу.

На следующий день И.П. Лоцманов поручил своим сотрудникам допросить осужденного к высшей мере наказания Стамблера, с применением к нему физического воздействия, и добиться от него показаний о существовании правотроцкистского центра в Киргизской ССР. На допросе Стамблеру было сказано, что он осужден к высшей мере уголовного наказания, и если он не даст показания, то будет расстрелян. Если он даст нужные следствию показания, то будет поставлен вопрос об отмене смертного приговора.

Эти угрозы и избиения вынудили М.М. Стамблера дать вымышленные показания о том, что якобы он является участником правотроцкистской организации. После этого И.П. Лоцманов вызывает к себе Стамблера и дает ему для ознакомления газетный материал о Московском процессе над правотроцкистским центром Бухарина, Рыкова и других, и предлагает ему написать развернутое показание о существовании правотроцкистской организации в Киргизской ССР. И когда Стамблер пишет показания, бывший начальник 3-го отдела А.В. Иванов диктует обвиняемому Стамблеру большой список руководящих

партийных и советских работников республики, якобы участников правотроцкистской организации в Киргизской ССР.

В эти показания Стамблера были включены, помимо уже арестованных: М.Л. Белоцкого, Б.Д. Исакеева, В.Л. Лайта, И. Чистякова, А.Д. Щербакова, еще около 30 человек, которые в последующем были арестованы. После подписания Стамблером показаний, ему было дано задание обработать Лайта и Чистякова в следственной камере, чтобы они как руководители правотроцкистской подпольной организации в Киргизской ССР дали показания о своей контрреволюционной деятельности [4]. Через некоторое время Идашкин, методами физического воздействия и камерной обработки, через арестованного Стамблера, добился показаний от обвиняемых Лайта, Чистякова и других об их принадлежности к правотроцкистскому центру в Киргизской ССР. Эти арестованные в своих показаниях, подсказанных Идашкиным и Ивановым, также назвали большое количество людей из руководящих партийных и советских работников об их причастности к контрреволюционным организациям. После чего, были произведены массовые аресты людей, проходящих по показаниям вышеназванных лиц. В свою очередь, многие арестованные лица, не выдержав пыток давали показания на последующих. Таким образом, количество арестованных людей росло с геометрической прогрессией.

Достаточно отметить, что с марта по ноябрь 1938 г. были арестованы 2/3 состава руководящих партийных и советских работников центральных и районных учреждений Киргизской ССР. Согласно «Книга жертв политических репрессий Кыргызской Республики (1920-1953 гг.)», в республике к высшей мере наказания было приговорено 2705 человек [7]. В жернова репрессивной машины попадали не только руководители, но и простые граждане, жившие и работавшие в Кыргызстане в тот страшный период. Ретивые исполнители за счет этой категории выполняли план по разоблачению «троцкистов», «зиновьевцев», «правых» и других «врагов народа», проживающих в Киргизской ССР.

Следует отметить, что признание бывшими руководителями республики предъявленных обвинений было очень важным фактом для НКВД, независимо от того, как они были получены. Многие из арестованных соглашались на сотрудничество со следователями, доверяя им как представителям советской власти. По признаниям некоторых арестованных следователи просили подписать документ о шпионско-диверсионной деятельности, объясняя это тем, что это нужно для Советской власти, и обещали полную свободу через несколько месяцев. У следователей они подписывали документы, которые от них требовали, тем более от имени государства и Советской власти, а не доверять Советской власти у них, с их слов, не было никаких оснований [10, с. 64].

С аналогичными технологиями допроса были разоблачены «враги народа»: секретарь Иссык-Кульского РК Булатов «вскрывает» Чалагыза Иманкулова, Бейше Турусбаева; секретарь Сталинского РК Орозбаев «разоблачает» некоего У. Джалилова; комсомольский работник Эсеналиев И. Тойчинова, К. Тыныстановна, З. Бектенова; Тойчинов в свою очередь Токобаева, Чонбашева, Саадаева и др. [2, с. 212]. Архивные данные подтверждают, что они были одним из самых распространенных механизмов в методах работы органов исполнения наказаний во всех регионах СССР.

Для получения необходимых показаний, подследственные в массовом порядке подвергались издевательствам, избиениям и пыткам. Противозаконные методы ведения следствия, порой многомесячные истязания, вынуждали многих арестованных «признаться» в несуществующих грехах.

Библиографический список

1. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Шифротелеграмма Сталина о применении пыток. Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. – М., 2006.
2. Джунушалиев Дж. Время созидания и трагедия. 20-30-е годы XX в. – Бишкек: Илим, 2003. – 256 с.
3. Документы и материалы следственных дел, снятых с учета. Материалы в отношении Стамблера. Архив ГКНБ КР. 5405-су. – 34 с.
4. Документы и материалы следственных дел, снятых с учета. Материалы в отношении «СТП». Архив ГКНБ КР., дело № 8143-су. – 234 с.

Некоторые оставались верны себе, и пытки не сломили их волю и стойкость. При подобных пытках и издевательствах со стороны сотрудников НКВД, многие подследственные не выдержав их, умирали. Так, по статистическим данным «Книга жертв политических репрессий Кыргызской Республики (1920-1953 гг.)» 591 арестованный умер в тюрьме [7].

Число репрессированных в советском Кыргызстане в период с 1920-1956 гг., согласно данным десяти томов «Книга жертв политических репрессий Кыргызской Республики (1920-1953 гг.)» составляет 17 134 человека, из которых кыргызы – 1223, уйгуры – 517, русские – 467, немцы – 247, узбеки – 195, украинцы – 172, корейцы – 164, китайцы – 56, поляки – 47, татары – 31 и др. С определенной точности можем сказать, что многие тысячи кыргызстанцев были необоснованно подвергнуты аресту, сосланы, заключены в лагеря, расстреляны. Всего за период с 1934 по 1938 гг. было репрессировано – 13 809 человек. 5 ноября и 8 ноября 1938 г. были расстреляны 137 граждан нашей страны, в числе которых были первые руководители кыргызского советского государства.

На основании вышеизложенного следует отметить, что в исследуемый период характер и механизм массовых репрессий и террора в республике достиг чудовищных масштабов. Сталинская карательная машина ломала любого человека, поэтому обвинять в предательстве, измене и в других грехах кого-либо из творческой интеллигенции, бывших руководителей советского правительства или партии не совсем корректно. В этом виновата только сталинская тоталитарная система.

5. Документы и материалы следственных дел, сфабрикованных НКВД в 1937-1938 гг. Архив ГКНБ КР, дело № 1755-оф, 7727-су. (копийные материалы. Дела на указ.лиц находятся в архиве ФСБ РФ).

6. Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкиско-зиновьевского контрреволюционного блока». РГАСПИ Ф.17, Оп. 171, Д. 230. Л. 72-78об. – С. 72. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://istmat.org/files/uploads/61071/rgaspi._f.17._op.171._d.230_zakrytoe_pismo_ck_vkpb.pdf

7. Книга жертв политических репрессий Кыргызской Республики (1920-1953 гг.) // Б.Дж. Абдрахманов, Т.А. Абдырахманов – Бишкек, 2020. – 10 том.

8. Кыргызстандын тарыхы. Байыркы мезгилден бүгүнкү күнгө чейин. 3 томдук. III т. XX к. жана XXI к. башы (1900-2016-ж.). – Бишкек: «Кут-Бер», 2016. – 816 с.

9. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. – М., 2005. – 272 с.

10 Мемуары о политических репрессиях в СССР, хранящиеся в архиве ФСБ РФ. – М., 2007. – С. 64.

11. О грубых нарушениях социалистической законности в НКВД Кырг.ССР, имевших место в 1937-1938 гг. Архив ГКНБ КР, ф.у.д. арх.№2065-оф т.2., лл. 61.

12. Сталин И.В. О недостатках партийной работы и о мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников»: доклад на февральско-мартовском пленуме (1937 г.) // Вопросы истории. – 1995. – №3. – 325 с.

ABOUT THE "TECHNOLOGIES" OF STALIN'S REPRESSIONS IN THE 30S OF THE XX CENTURY IN KYRGYZSTAN

A.K. Karyeva¹, *Doctor of Historical Sciences, Professor*

B.D. Abdrakhmanov², *Doctor of Historical Sciences, Head of the Training Center*

¹**Kyrgyz State Technical University named after I. Razzakov**

²**State Penitentiary Service under the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic (Kyrgyzstan, Bishkek)**

***Abstract.** This study analyzes the "technology" of obtaining evidence by the NKVD in the 30s of the twentieth century, during the period of Stalinist repressions. The political repressions of the mid-1930s are still an insufficiently studied problem in Russian historiography. At various stages of Soviet history, severe trials fell to the lot of our people. The factual materials used in this study provide an opportunity to rethink and evaluate the events of the above-mentioned difficult period in a new way.*

***Keywords:** organs of the NKVD, repression, political terror, technology, falsification.*